

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.51.5

Submitted: 15.01.2022
Accepted: 21.03.2022

**PRAGMATIC VECTOR OF VERBALIZED AGGRESSION
WITHIN INTERNET MEDIATED COMMUNICATION:
TEXTUAL CONTEXT DIMENSION¹**

Liliya R. Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina R. Sadova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. Research on aggressive speech behavior, realized through Internet mediated communication, faces with the problem of highlighting messages that are truly aggressive, that means a person has intention of doing harm to other person (in case of written communication on social network sites, it is psychological harm). The task of identifying a real aggressor turns even more difficult once a response to speech provocation is presented in form of responsive aggression. In this case the respondent's intention differs from the desire to do harm. Since speech provocation and speech response are given in the same form, from a bystander's perspective, both actions are perceived as aggressive. It may seem that the attacker and the victim alternately play the role of the aggressor. To solve the problem of identifying the true aggressor by speech production, it becomes significant to reconstruct the framework of a particular communicative situation. The present research project focuses on the distinction between verbalization of offensive (provocative) and defensive (responsive) types of aggression, which makes it possible to fix the scheme of interaction between interlocutors while switching the roles of the aggressor and the victim. In the course of an experiment on written verbalization of aggression realized on the social network site VKontakte, based on perceptual method and linguistic pragmatics approaches, 20 respondents evaluate stimuli material (10 samples in Russian language without textual context and with pre- and post-textual contexts). It was revealed that the narrow context surrounding a speech message is significant in defining the aggressor: namely, the presence of textual pre- and post-contexts in the form of messages provoking the verbalization of defensive aggression.

Key words: context, verbalization of aggression, speech provocation, offensive aggression, responsive (defensive) aggression, social Internet network, language personality.

Citation. Komalova L.R., Sadova E.R. Pragmatic Vector of Verbalized Aggression Within Internet Mediated Communication: Textual Context Dimension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 77-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 15.01.2022
Дата принятия статьи: 21.03.2022

**ФАКТОР РЕЧЕВОГО КОНТЕКСТА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗОВАННОЙ АГРЕССИИ
В ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ¹**

Лилия Ряшитовна Комалова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия

Екатерина Романовна Садова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Представленное в статье изучение агрессивного речевого поведения собеседников в рамках интернет-опосредованной коммуникации находится в русле проблем выделения сообщений, которые

являются истинно агрессивными: содержащими интенцию нанесения ущерба, в том числе психологического. Особое внимание уделено коммуникации, в которой реакцией на агрессивное действие становится ответное агрессивное действие. Показано, что интенция отвечающего отличается от желания нанести ущерб и определение агрессора усложняется, поскольку по форме ответная реакция схожа с провокативным действием. Для решения задачи выявления истинного агрессора по речевой продукции значимым становится восстановление рамок конкретной коммуникативной ситуации. В фокусе внимания настоящего исследования находится различие наступательной и ответной речевой агрессии, которое позволяет зафиксировать схему взаимодействия коммуникантов при переключении ролей агрессора и жертвы. Представлены результаты изучения вербализации агрессии в сообщениях социальной интернет-сети «ВКонтакте»: реципиенты оценивали стимульный материал вне контекста (сообщений других участников дискуссии), в одном из контекстов (предшествующем или последующем) и в двух контекстах. Установлено, что при определении агрессора значим узкий речевой контекст, окружающий речевое сообщение, а именно наличие предшествующего и последующего контекстов в виде текстовых сообщений, провоцирующих вербализацию оборонительной агрессии.

Ключевые слова: контекст, вербализация агрессии, речевая провокация, наступательная агрессия, оборонительная агрессия, социальная интернет-сеть, языковая личность.

Цитирование. Комалова Л. Р., Садова Е. Р. Фактор речевого контекста при определении прагматической направленности вербализованной агрессии в интернет-опосредованной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 77–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>

Введение

Языковая личность в рамках разработанной Ю.Н. Карауловым теории представляет собой личность, «выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 1987, с. 38]. На основе анализа употребления языка (реализации языковой способности человека) можно получить выводное знание о личности как об индивидууме и авторе произведенных им текстов [Бушев, 2021, с. 72]. Интернет-опосредованная коммуникация является благодатным источником материала для изучения языковой личности на основе письменной продукции интернет-пользователей в различных коммуникативных ситуациях и контекстах. Несмотря на то что компьютерно-опосредованная коммуникация опирается на письменную реализацию языкового кода, направлена она, по словам С.В. Ионовой, на воспроизведение диалогических отношений естественной формы коммуникации [Ионова, 2016, с. 9].

В центре нашего внимания находится мотивационно-прагматический уровень языковой личности (по Ю.Н. Караулову), в рамках которого происходит «выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, ее поведением и индивидуальным стилем формирования произ-

водимых ею текстов» [Беляевская, 2017, с. 44]. В частности, нас интересуют вопросы о том, насколько правомерно на основе анализа вербализованной агрессии (в плане содержания и в плане выражения) характеризовать индивида как агрессора и какими мотивами руководствуется языковая личность при вербализации агрессии.

Согласно Н.Н. Панченко, учитывая специфику взаимодействия и взаимосвязи с партнером по коммуникативной деятельности, возможности кооперации в речевом поведении, которое имеет место в повседневности, можно выделить несколько типов языковой личности: кооперативную, центрированную и конфликтную [Панченко, 2012]. В данной и подобных ей классификациях (см., например: [Иссерс, 2008; Седов, 2000; Третьякова, 2013]) за конфликтной (конфронтационной) языковой личностью закрепляется намерение причинить вред, однако не учитывается конфликтное речевое поведение как форма, требуемая ситуацией общения (например, при вербализации инструментальной агрессии, см. об этом: [Комалова, 2016, с. 20, 39]) или как защитная реакция на речевое нападение.

Исследование вопроса вербализации «оборонительной (защитной)» агрессии в интернет-опосредованной коммуникации необходимо начать с выявления содержания понятия «агрессия». Д. Майерс определяет агрес-

сию как физическое или вербальное поведение, нацеленное на причинение ущерба / нанесение вреда. При этом возможно широкое понимание агрессии как намеренных действий двух или более лиц, одним из которых является агрессор (тот, кто нападает), другим – жертва (тот, на кого совершается физическое или вербальное нападение) [Майерс, 2019]. Агрессия может быть направлена как на причинение реального физического вреда или материального ущерба, так и на нанесение психоэмоционального вреда личности [Ильясов, 2000]. Многие исследователи разграничивают понятия агрессии и агрессивности: агрессия отражает враждебность, негативный настрой человека, а агрессивность – предрасположенность человека к атакующему типу поведения [Берковиц, 2007; Бэрон, Ричардсон, 2014; Мацумото, 2006; Налчаджян, 2007; Трифионов, 1996; Bass, 1963; Bass, 1966; Dollard et al., 1939; Kornadt, 1982; Zillmann, 1979].

Несмотря на то что в основе большинства определений агрессии находится стремление индивида причинить вред другому, «за многими агрессивными действиями не стоит цели причинения вреда и ущерба, агрессия может служить цели повышения самооценки, самоутверждения, адаптации, самосохранения» [Банщикова, 2013, с. 3] и реализовываться как инструментальный вид агрессии, когда индивид выбирает агрессивную форму воздействия для достижения цели, отличной от причинения вреда. По мнению Т.Н. Банщиковой, «основная мотивация подобных действий – стремление достичь субъективно значимых выгод, игнорируя отношение к данным действиям других, а следовательно, данное поведение мотивировано, как правило, социально неодобряемым или относительно одобряемым стремлением» [Банщикова, 2013, с. 3].

Согласно классификации, предложенной С. Фешбахом, условно можно выделить наступательный (нападение), оборонительный (защита) и инструментальный виды агрессии. Последний, по мнению исследователя, «выступает в качестве средства достижения целей и мотивов неагрессивного содержания (например, воспитание путем наказания, выстрел в бандита, захватившего заложника, и т. п.)... нанесение ущерба носит инструмен-

тальный характер, являясь условием для достижения других целей, а не самоцелью» [Банщикова, 2013, с. 3].

Оборонительная агрессия понимается, в частности Э. Фроммом, как фактор биологической адаптации живого существа. Ученый утверждал, что оборонительная агрессия животного выражена в большей мере, чем у человека. Оборонительная агрессия не связана со стремлением разрушать, чтобы разрушать; по своей сути оборонительная агрессия является естественной ответной реакцией на возникающую угрозу [Фромм, 2020]. Однако между человеком и животным наблюдается значительное различие. Как показано в работе А.В. Тарасенко, у людей оборонительная агрессия может возникать не только при условии реальной угрозы для жизни [Тарасенко, 2017], но и в ответ на угрозу другим людям, их статусу, имиджу, имуществу, а также в ответ на потенциальные угрозы и то, что угрожает ментальному здоровью индивида или других людей. Кроме того, оборонительная агрессия может рассматриваться как способ психологической защиты, как неосознаваемый процесс, направленный на минимизацию отрицательных переживаний [Никольская, Грановская, 2006] с целью создания условий, максимально повышающих приспособляемость и состояние уравновешенности психики. Оборонительная агрессия – это всегда ответная реакция на нападение со стороны: человек защищается, когда что-либо угрожает его витальным интересам [Фромм, 2020]. В общем виде функции оборонительной агрессии можно представить следующим образом:

- собственная защита, то есть защита себя и своих интересов;
- защита других индивидов и их интересов;
- снятие психоэмоционального напряжения в ситуации давления со стороны;
- желание защититься от постороннего вмешательства, то есть стремление противопоставить себя навязываемым идеям;
- снятие чувства собственной вины за какой-либо проступок (в случае необоснованной агрессии со стороны другого индивида).

Таким образом, оборонительная агрессия нацелена на сохранение оптимально стабильного психологического состояния индивида при негативном воздействии со стороны.

Именно вербализация оборонительной агрессии находится в центре нашего внимания.

Материал и методы

В качестве материала для пилотного экспериментального исследования использованы различные обсуждения (письменные сообщения) в социальной интернет-сети «ВКонтакте». Выбор тем анализируемых дискуссий обусловлен социально значимым характером обсуждаемого (обязательная вакцинация, запрет аборт) и разделением мнений на полярные, высказывая которые коммуниканты формулируют четкие позиции, выступая «за» и «против» определенного тезиса.

Для проведения эксперимента было отобрано десять коммуникативных ситуаций², которые строились по следующей схеме:

- 1) инициальное сообщение – речевая провокация от условного агрессора (Коммуникант 1);
- 2) вербализация ответной оборонительной реакции от условной жертвы (Коммуникант 2);
- 3) новая речевая провокация / вербализация ответной оборонительной реакции от условного агрессора (Коммуникант 1).

Количество ситуаций, когда в роли условной жертвы выступали коммуниканты, различающиеся по гендерному признаку, представлены равномерно: 5 ситуаций с коммуникантом-женщиной, 5 – с коммуникантом-мужчиной.

Процедура проведения исследования

Для анализа материала были просмотрены обсуждения в социальной интернет-сети «ВКонтакте» на русском языке и составлена

рабочая база образцов вербализации оборонительной агрессии с целью дальнейшего использования в опросе в качестве стимульного материала, а также составлен список заданий, которые давались участникам опроса. Респондентам предлагалось проанализировать каждую ситуацию коммуникативного общения в четырех вариантах (4 сеанса) и ответить на вопросы анкеты.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что результат восприятия стимульного сообщения, репрезентирующего вербализацию агрессии, будет изменяться в пользу оценки сообщения как оборонительного вида агрессии при условии введения речевого контекста, в котором «читается» речевая провокация в виде вербализованной наступательной агрессии.

Исследование проводилось в четыре сеанса. В первом сеансе предлагалось проанализировать образец (сообщение условной жертвы «Коммуникант-2») без контекста (рис. 1). Во втором сеансе анализировался образец с предшествующим («левым») контекстом (сообщением, которое провоцировало оборонительную агрессию и размещалось до сообщения условной жертвы) (см. рис. 2). В третьем сеансе анализировался образец с последующим («правым») контекстом (сообщением, которое следовало после реализации оборонительной агрессии и располагалось после сообщения условной жертвы) (см. рис. 3). В четвертом сеансе анализировался образец в двух контекстах (сообщение условной жертвы, предваряемое сообщением провокатора и закрывающееся сообщением – реакцией провокатора) (см. рис. 4).

От каждого участника исследования было получено информированное согласие на использование данных, предоставленных в ходе выполнения экспериментальных заданий.

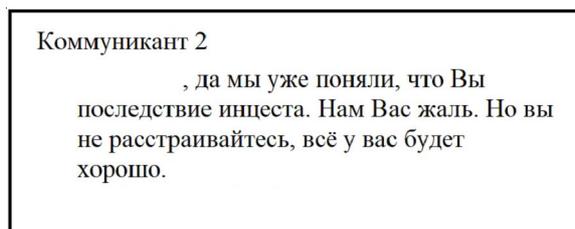

Рис. 1. Пример анализируемого сообщения вне контекста
 Fig. 1. Example of the analyzed message without any textual context

Коммуникант 1
Естественно,они там до сих пор с баранами
шпохаются, какие им технологии

Коммуникант 2
Под бараны ты видимо
подразумеваешь себя и таких как ты !!!

Рис. 2. Пример анализируемого сообщения с предшествующим («левым») контекстом
Fig. 2. Example of the analyzed message with textual (“left”) pre-context

Коммуникант 2
...ого откуда тогда генетические
заболевания передающиеся по
материнской линии? И где такая
альтернативная биология? На мд сайтах?
Очень похоже по уровню интеллекта

Коммуникант 1
Читай глазами, а не другими органами.
"Носитель информации".

Рис. 3. Пример анализируемого сообщения с последующим («правым») контекстом
Fig. 3. Example of the analyzed message with textual (“right”) post-context

Коммуникант 1
у заабортных зомбуляк вообще логика
порой срывается. Это их истинное амшлуа.
"прерви беременность, а то у тебя полы
ещё не помыты". Их высказывания - это
сам по себе сильнейший демотиватор

Коммуникант 2
...дура набитая, большинство сторонниц
абортов имеют детей и знают о том, что
такое ответственность. Это только такие
нищенки, как ты и тебе подобные,
стараются людей в свое болото затащить и
глумиться.

Коммуникант 1
... Ооосподи 🙄🙄🙄... Эта имбецилка
даже не может на голову натянуть, о чём
я. С кем мы тут диалог ведём?... Сборище
одноклеточных. И это наняли, чтобы
двигать аборт в стране? Биг фарма! Не
нанимай по объявлениям!

Рис. 4. Пример анализируемого сообщения в двух контекстах
Fig. 4. Example of the analyzed message with both textual pre- and post-contexts

Опросник

Участники исследования в процессе анализа стимульного материала выполняли следующие задания. Было необходимо:

1) определить, присутствует ли в исследуемом образце вербализованная агрессия (только в первом сеансе);

2) определить вид агрессии (наступательная или оборонительная);

3) указать, на основе каких языковых средств респонденты сделали вывод о том, что анализируемое сообщение является вербализованной агрессией (только в первом сеансе).

Участникам было предложено ответить на вопросы, касающиеся их демографических данных (гендер, возраст, вид профессиональной деятельности, город рождения и проживания, уровень образования, специальность по диплому).

Сведения об участниках

Опрос был создан и проведен при помощи платформы Google Forms. В исследовании участвовали совершеннолетние испытуемые, которые говорят на русском языке. Все они являются пользователями Интернета, в частности социальной сети «ВКонтакте». Всего опрошено 20 респондентов, были привлечены в основном студенты (табл. 1).

Результаты и обсуждение

Результаты исследования сообщений вне контекста

Предварительно респонденты ознакомились с памяткой, в которой раскрыто содержание понятия «агрессия» и охарактеризованы различия между наступательным и оборонительным видами агрессии.

В рамках первого сеанса исследования стимульного материала проводился анализ сообщений на предмет наличия вербализованной агрессии по принципу «есть» / «нет». Результаты данного сеанса представлены в таблице 2.

Согласованность ответов респондентов составила 94 %. Среди оснований для выявления в данных образцах вербализованной агрессии респонденты указывали на:

– возмущенный тон выражения собственного мнения, категоричность;

– многократное использование вопросов, что является распространенным средством выражения раздражения в ходе коммуникации;

– употребление лексем с негативной коннотацией, относящихся к семантическому полю «агрессия» (см.: [Комалова, 2020, с. 94–116]) со значением разрушительных действий (*утопить, выбросить на мусорку*);

– наличие лексем, содержащих маркированный префикс с оценочным значением (*НЕ-вакцинированных*);

Таблица 1. Демографические характеристики группы респондентов (в абсолютных единицах)

Table 1. Respondents' demographic characteristics (in absolute measures)

Характеристики		Гендер респондентов	
		мужчины	женщины
Возраст респондентов	18–24 лет	8	12
Образование	магистратура	2	0
	бакалавриат	4	8
	ПТУ	0	2
	полное среднее (11 классов)	2	2
Профессиональная занятость	работаю	0	1
	учусь и работаю	5	5
	учусь	3	5
	ничего не делаю	0	1

Таблица 2. Оценка респондентами анализируемых сообщений вне контекста, %

Table 2. How respondents evaluate the analyzed messages without any textual context, %

№ исследуемого образца * (анализируемого сообщения условной жертвы)	Наличие вербализованной агрессии		Вид вербализованной агрессии	
	Да	Нет	Наступательная	Оборонительная
(7) «За...ли сраные клавишные герои , которые только тут могут строчить про другие народы а в лицо сказать очко сжимается»	100	0	90	10
(8) «В Россию пришла третья волна. Не заметили? У НЕ-вакцинированных стало ещё больше шансов поучаствовать в естественном отборе. Успехов.»	85	15	90	10
(5) «Дура набитая, большинство сторонниц абортот имеют детей и знают о том, что такое ответственность. Это только такие нищенки, как ты и тебе подобные, стараются людей в своё болото затащить и глумиться.»	95	5	75	25
(2) «Да мы уже поняли, что Вы следствие инцеста. Нам Вас жаль. Но вы не расстраивайтесь, всё у вас будет хорошо.»	95	5	70	30
(1) «Ого откуда тогда генетические заболевания передающиеся по материнской линии? И где такая альтернативная биология? На мд сайтах? Очень похоже по уровню интеллекта»	95	5	65	35
(6) «А Вы не плодитесь? Сами поняли, что написали? Ок, если агрессивных собак можно отстреливать, то можно так же поступать с агрессивными людьми?) возможно с Вами, судя по стилю мышления?)К слову, в процессе продолжения рода участвует не 1 субъект) Так что когда плодиться начнёте Вы, не забудьте утопить детей в ведре или выбросить в пакете на мусорку, как котят и щенков, раз вы считаете разумным проводить такую аналогию»	100	0	60	40
(9) «а заражаются, болеют, гибнут люди без «б...го цирка», так? язык прикуси!»	95	5	50	50
(3) «Про мужа тут вообще речи нет. Найс способ говорить про него, чтобы обесценить заслуги этой мамы: а от неё ничего другого и не ожидалось, муж-то работает! А мб его нет вообще. А мб она вдова. А мб у неё не муж, а жена (привет, эко). Да и как-то вы себя переоцениваете. Чел, если ты в любой новости видишь здорового богатого папика, отрефлексируй это, мы не осудим.»	80	20	50	50
(10) «Ну можно сказать, что дебилка тут только ты. Мы не знаем, через что он прошёл.»	100	0	40	60
(4) «Под бараны ты видимо подразумеваешь себя и таких как ты !!!»	95	5	40	60

Примечание. * – в текстах сообщений сохранены авторские орфография и пунктуация, но obscene лексика цензурирована при помощи знака «...». Поскольку в таблицах обобщены реакции на одни и те же образцы, то в таблицах 4, 5, 6 даны только номера исследуемых образцов.

Note. * – the original spelling and punctuation in the messages are preserved, but obscene words are censored with the sign "...". Since the reactions to the same samples are represented, only the numbers of the studied specimens are given in tables 4, 5, 6.

– использование сарказма, выраженно-го при помощи лексики с положительной коннотацией, которая контрастирует с негативно окрашенной лексикой (*успехов; больше шансов поучаствовать в естественном отборе*).

Образец № 3 вызвал больше всего сомнений при оценке его на предмет наличия вербализованной агрессии. Сомнения могут объясняться: – нейтральным тоном рассуждения; – отсутствием лексем, содержащих только отрицательную характеристику для

номинации, контекстуальное употребление которых может быть расценено как агрессивное или оскорбительное;

– отсутствием лексем в переносных значениях с презрительной, уничижительной, бранной окраской.

В таблице 2 представлены результаты оценки респондентами вида вербализованной агрессии (наступательная / оборонительная). В большинстве анализируемых сообщений без (вне) контекста респонденты оценили речевую продукцию как вербализацию наступательного вида агрессии.

Далее каждое сообщение исследовалось с позиций наличия языковых средств, маркирующих вербализацию агрессии (подробно о маркерах см.: [Комалова, 2015, с. 60–66; Комалова, 2020, с. 61–68; Петрова, Рацибурская, 2017]). При анализе каждого образца респонденты могли обозначить несколько категорий языковых средств, указывающих, по их мнению, на вербализованную агрессию.

Результаты оценки респондентами стимульного материала (табл. 3) свидетельствуют о том, что наиболее частотным маркером вербализации агрессии являются лексические средства (43,09 %), далее следуют синтактико-стилистические (30,35 %), грамматические (14,36 %) и пунктуационные средства (12,2 %).

Результаты исследования сообщений в контекстах

Во время второго, третьего и четвертого сеансов респондентам предлагалось опре-

делить вид вербализованной агрессии (наступательная / оборонительная) в сообщениях, находящихся в контекстах. Полученные результаты представлены в таблицах 4–6.

При наличии предшествующего («левого») контекста наблюдается резкое (45–59,6 %) снижение доли оценок «наступательная агрессия» в отношении сообщений № 7, 8, которые вне контекста респонденты воспринимали как наступательную агрессию с наибольшим уровнем согласованности. Для менее однозначных в оценках респондентов образцов № 5, 2, 1, 6, 9 сохраняется тенденция на оценку сообщений как вербализации оборонительной агрессии. Наряду с этим при оценке образцов № 3, 10, 4 с предшествующим («левым») контекстом респонденты склоняются к мнению, что высказывания представляют вербализацию наступательной агрессии. В целом можно сказать, что наличие предшествующего («левого») контекста в коммуникативной ситуации вербализации оборонительной агрессии условной жертвой (Коммуникант-2) способствует распознаванию оборонительного характера ответной агрессии.

Тенденция на распознавание оборонительного типа ответной агрессии характерна и для сообщений с последующим («правым») контекстом.

При восприятии сообщений в контекстах с обеих сторон респонденты еще в большей степени склоняются к тому, чтобы охарактеризовать эти сообщения как вербализацию оборонительного вида агрессии.

Таблица 3. Оценка респондентами языковых средств, маркирующих вербализованную агрессию в исследуемых сообщениях, %

Table 3. How respondents evaluate language means marking verbalized aggression in the analyzed messages, %

№ образца	Языковые средства, маркирующие агрессию			
	Лексика	Грамматика	Синтаксис, стилистика	Пунктуация
1	35,48	6,45	58,06	0,00
2	39,39	12,12	45,45	3,03
3	31,82	18,18	29,55	20,45
4	39,02	9,76	9,76	41,46
5	50,00	16,67	27,78	5,56
6	35,29	23,53	31,37	9,80
7	80,00	8,00	12,00	0,00
8	34,29	11,43	48,57	5,71
9	37,50	14,58	29,17	18,75
10	76,00	16,00	8,00	0,00
Всего	43,09	14,36	30,35	12,20

Таблица 4. Сопоставление оценок, данных респондентами в отношении стимульного материала вне контекста и анализируемых сообщений с предшествующим («левым») контекстом, %

Table 4. Comparing respondents' evaluations towards the stimulus material without any textual context and analyzed messages with textual ("left") pre-context, %

№ исследуемого образца (анализируемого сообщения условной жертвы)	Вид вербализованной агрессии			
	Наступательная		Оборонительная	
	Без контекста	С <i>левым</i> контекстом	Без контекста	С <i>левым</i> контекстом
(7)	90,0	30,4	10,0	69,6
(8)	90,0	45,0	10,0	55,0
(5)	75,0	50,0	25,0	50,0
(2)	70,0	52,4	30,0	47,6
(1)	65,0	85,0	35,0	15,0
(6)	60,0	40,0	40,0	60,0
(9)	50,0	47,6	50,0	52,4
(3)	50,0	56,5	50,0	43,8
(10)	40,0	45,0	60,0	55,0
(4)	40,0	61,9	60,0	38,1

Таблица 5. Сопоставление оценок, данных респондентами в отношении стимульного материала вне контекста и анализируемых сообщений с последующим («правым») контекстом, %

Table 5. Comparing respondents' evaluations towards the stimulus material without any textual context and analyzed messages with textual ("right") post-context, %

№ исследуемого образца (анализируемого сообщения условной жертвы)	Вид вербализованной агрессии			
	Наступательная		Оборонительная	
	Без контекста	С <i>правым</i> контекстом	Без контекста	С <i>правым</i> контекстом
(7)	90,0	63,6	10,0	36,4
(8)	90,0	40,9	10,0	59,1
(5)	75,0	42,8	25,0	57,2
(2)	70,0	45,4	30,0	54,6
(1)	65,0	52,8	35,0	47,2
(6)	60,0	52,8	40,0	47,2
(9)	50,0	20,0	50,0	80,0
(3)	50,0	61,9	50,0	38,1
(10)	40,0	40,0	60,0	60,0
(4)	40,0	63,6	60,0	36,4

Таблица 6. Сопоставление оценок, данных респондентами в отношении стимульного материала вне контекста и анализируемых сообщений в контекстах с обеих сторон, %

Table 6. Comparing respondents' evaluations towards the stimulus material without any textual context and analyzed messages with both textual pre- and post-contexts, %

№ исследуемого образца (анализируемого сообщения условной жертвы)	Вид вербализованной агрессии			
	Наступательная		Оборонительная	
	Без контекста	Оба контекста	Без контекста	Оба контекста
(7)	90,0	20,0	10,0	80,0
(8)	90,0	38,8	10,0	61,2
(5)	75,0	38,0	25,0	62,0
(2)	70,0	45,4	30,0	54,6
(1)	65,0	52,8	35,0	47,2
(6)	60,0	14,2	40,0	85,8
(9)	50,0	45,4	50,0	54,6
(3)	50,0	50,0	50,0	50,0
(10)	40,0	52,8	60,0	47,2
(4)	40,0	57,1	60,0	42,9

Заключение

Вопреки общественному стереотипу о том, что агрессия – это осознанное зло, в рамках научной парадигмы атрибутируется принципиально важное значение для жизни человека как биологического и социального существа: она может рассматриваться и как способ нападения, и как способ защиты. Во втором случае агрессия проявляется в ответ на ситуации, которые представляют опасность и угрозу для индивида.

В речевой коммуникации определение вида агрессии затруднено, так как и наступательный, и оборонительный виды агрессии реализуются при помощи схожих языковых средств.

В ходе экспериментального исследования, описанного в настоящей статье, была предпринята попытка выявить степень влияния речевого контекста на восприятие вербализации оборонительного вида агрессии. Рабочая гипотеза была подтверждена на основе анализа оценивания респондентами сообщений без контекста и в различных контекстах (текстовых сообщениях). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что наличие как предшествующего («левого»), так и последующего («правого») контекстов в равной степени влияет на уточнение вида агрессии, вербализуемого в анализируемом сообщении.

В связи с этим в речевой коммуникации при определении прагматической направленности вербализованной агрессии на нападение или на защиту речевого контекст следует учитывать как один из обязательных параметров оценки речевого поведения языковой личности – потенциального агрессора / жертвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИНИОН РАН (проект «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»).

The research is conducted within state task to INION RAN, project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions».

² Образцы вербализации ответной оборонительной агрессии отбирались на основе анализа ветки сообщений и выделения в ней сообщений, провоцирующих ответную реакцию, и сообщений-реакций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Банщикова Т. Н., 2013. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды // Концепт. № 8. С. 71–75. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13169.htm>
- Беляевская Е. Г., 2017. Теория языковой личности и когнитивная лингвистика // Языковая личность: аспекты изучения. М. : Макс Пресс. С. 34–46.

- Берковиц Л., 2007. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб. : Прайм-Еврознак. 510 с.
- Бушев А. Б., 2021. Языковая личность блогера // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь : Твер. гос. ун-т. № 10 (16). С. 71–76.
- Бэрон Р., Ричардсон Д., 2014. Агрессия. 2-е изд. СПб. : Питер. 416 с.
- Ильясов Ф. Н., 2000. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М. : ИМА-пресс. 201 с. URL: <http://iliassov.info/pm/Iliassov-FN-Political-Marketing-2000.pdf>
- Ионова С. В., 2016. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 3. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.1>
- Иссерс О. С., 2008. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. 5-е изд., стер. М. : ЛКИ. 284 с.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 263 с.
- Комалова Л. Р., 2015. Язык и речевая агрессия. М. : ИНИОН РАН. 75 с.
- Комалова Л. Р., 2016. Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу. М. : ИНИОН РАН. 180 с. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikatcia-1.pdf
- Комалова Л. Р., 2020. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стер. М. : Спутник+. 275 с.
- Майерс Д., 2019. Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер. 800 с.
- Мацумото Д., 2006. Психология и культура. М. : Прайм-Еврознак. 416 с.
- Налчаджян А. А., 2007. Агрессивность человека. СПб. : Питер. 734 с.
- Никольская И. М., Грановская Р. М., 2006. Психологическая защита у детей. М. : Речь. 342 с.
- Панченко Н. Н., 2012. Коммуникативная лингвистика // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 262–283.
- Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В., 2017. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М. : Флинта ; Наука. 155 с.
- Седов К. Ф., 2000. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Саратов : Сарат. гос. ун-т. С. 6–12.
- Тарасенко А. В., 2017. Агрессия и пути ее предупреждения // Молодой ученый. № 12. С. 196–199.
- Третьякова В. С., 2013. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 73. Филология. Искусствоведение. № 1 (292). С. 279–282.
- Трифонов Е. В., 1996. Психофизиология профессиональной деятельности : словарь. СПб. : [б. и.]. 316 с.
- Фромм Э., 2020. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ. 736 с.
- Bass A. H., 1963. Physical Aggression in Relation to Different Frustrations // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 67. P. 1–7.
- Bass A. H., 1966. Instrumentality of Aggression, Feedback, and Frustration As Determinants of Physical Aggression // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 3 (2). P. 153–162.
- Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R., 1939. Frustration and Aggression. New Heaven : Yale University Press. 209 p.
- Kornadt H. J., 1982. Aggressionsmotiv und Aggressionshemmung. Band 1, 2. Bern : Huber. 195 S.
- Zillmann D., 1979. Hostility and Aggression. N. Y. ; Hillsdale : L. Erlbaum Associates. 440 p.

REFERENCES

- Banshchikova T.N., 2013. Agressiya kak ponyatiynny konstrukt: obyasnitelnye kharakteristiki i vidy [Aggression as a Conceptual Concept, Explanatory Characteristics and Types]. *Kontsept* [Concept], no. 8, pp. 71-75. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13169.htm>
- Belyaevskaya E.G., 2017. Teoriya yazykovoy lichnosti i kognitivnaya lingvistika [Theory of Linguistic Personality and Cognitive Linguistics]. *Yazykovaya lichnost: aspekty izucheniya* [Linguistic Personality: Aspects Under Investigation]. Moscow, Maks Press Publ., pp. 34-46.
- Berkowitz L., 2007. *Agressiya: prichiny, posledstviya, kontrol* [Aggression: Its Causes, Consequences, and Control]. Saint Petersburg, Praim-Evroznak Publ. 510 p.
- Bouchev A.B., 2021. Yazykovaya lichnost blogera [Blogger's Linguistic Personality]. *Rodnaya slovesnost v sovremennom kulturnom i obrazovatelnom prostranstve* [Native Literature in Modern Cultural and Educational Space]. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet, no. 10 (16), pp. 71-76.
- Baron R., Richardson D., 2014. *Agressiya* [Aggression]. Saint Petersburg, Piter Publ. 416 p.
- Ilyasov F.N., 2000. *Politicheskij marketing. Iskustvo i nauka pobezhdat na vyborah* [Political

- Marketing. Art and Science to Win the Elections]. Moscow, IMA-press Publ. 201 p. URL: <http://iliassov.info/pm/Iliassov-FN-Political-Marketing-2000.pdf>
- Ionova S.V., 2016. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informatsionnykh tekhnologiy [Linguistics of a New Language Consciousness And Information Technology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 3, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.1>
- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki v russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics in Russian Speech]. Moscow, LKI. 284 p.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 263 p.
- Komalova L.R., 2015. *Yazyk i rechevaya agressiya* [Language and Speech Aggression]. Moscow, INION RAN. 75 p.
- Komalova L.R., 2016. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: ot konflikta k konsensusu* [Interpersonal Communication: From Conflict to Consensus]. Moscow, INION RAN. 180 p. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikatsia-1.pdf
- Komalova L.R., 2020. *Agressogennyi diskurs: tipologiya multilingualnoy verbalizatsii agressii* [Aggressogen Discourse: The Multilingual Aggression Verbalization Typology]. Moscow, Sputnik + Publ. 275 p.
- Mayers D., 2019. *Socialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ. 800 p.
- Matsumoto D., 2006. *Psikhologiya i kultura* [Psychology and Culture]. Moscow, Praim-Evroznak Publ. 416 p.
- Nalchadzhyan A.A., 2007. *Agressivnost cheloveka* [Human Aggressiveness]. Saint Petersburg, Piter Publ. 734 p.
- Nikolskaya I.M., Granovskaya R.M., 2006. *Psikhologicheskaya zashchita u detey* [Psychological Protection in Children]. Moscow, Rech Publ. 342 p.
- Panchenko N.N., 2012. *Kommunikativnaya lingvistika* [Communicative Linguistics]. *Rossiya lingvisticheskaya: nauchnye napravleniya i shkoly Volgograda* [Linguistic Russia: Volgograd Scientific Fields and Schools]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, pp. 262-283.
- Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V., 2017. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* [Language of Modern Media: Means of Speech Aggression]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 155 p.
- Sedov K.F., 2000. *Tipy yazykovykh lichnostey po sposobnosti k kooperatsii v rechevom povedenii* [Types of Linguistic Personality Based on the Ability to Cooperate in Speech Behavior]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Issues of Speech Communication]. Saratov, Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 6-12.
- Tarasenko A.V., 2017. *Agressiya i puti ee preduprezhdeniya* [Aggression and Ways to Prevent from It]. *Molodoy uchenyi*, no. 12, pp. 196-199.
- Tretyakova V.S., 2013. *Rehevaya konfliktologiya: problemy, zadachi, perspektivy* [Speech Conflictology: Problems, Tasks, Perspectives]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 73. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Iss. 73. Philology. Art History], no. 1 (292), pp. 279-282.
- Trifonov E.V., 1996. *Psikhofiziologiya professionalnoy deyatelnosti: slovar* [Psychophysiology of Professional Activity. Dictionary]. Saint Petersburg, s. n. 316 p.
- Fromm E., 2020. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, AST Publ. 736 p.
- Bass A.H., 1963. Physical Aggression in Relation to Different Frustrations. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 67, pp. 1-7.
- Bass A.H., 1966. Instrumentality of Aggression, Feedback, and Frustration as Determinants of Physical Aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 3 (2), pp. 153-162.
- Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R., 1939. *Frustration and Aggression*. New Haven, Yale University Press. 209 p.
- Kornadt H.J., 1982. *Aggressionsmotiv und Aggressionshemmung. Band 1, 2*. Bern, Huber. 195 S.
- Zillmann D., 1979. *Hostility and Aggression*. New York, Hillsdale, L. Erlbaum Associates. 440 p.

Information About the Authors

Liliya R. Komalova, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Resource Capability Development, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 51/21, 117418 Moscow, Russia, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

Ekaterina R. Sadova, Bachelor in Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, sunnyksad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3060-859X>

Информация об авторах

Лилия Ряшитовна Комалова, доктор филологических наук, заведующий отделом развития ресурсного потенциала, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Россия, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

Екатерина Романовна Садова, бакалавр лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, sunnyksad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3060-859X>